

**«Где же Ты, созданная из огня?»:
женский образ в лирике Н.Гумилева**

А.В.Чеснокова

«Где же Ты, созданная из огня?»: женский образ в лирике Н.Гумилева [“Where Are You, Created from Fire?”: The Female Images in the Lyrics by N.Gumilev]: Материалы 4-х Международных Кирилло-Мефодиевских Чтений //Синергетика образования #12 2008 [Materials of the 4th International Cyril and Methody Conference, Armavir Advanced Training Institute for Teachers// Sinergetika Obrazovania, 2008]: 398-402.

Незадолго до гибели в 1921г. Н.Гумилев написал: *«Я сам над собой насмеялся И сам я себя обманул, Когда мог поверить, что в мире Есть кто-нибудь кроме тебя. Лишь белая, в белой одежде, Как в пеплуме древних богинь, Ты держишь хрустальную сферу В прозрачных и тонких перстах...»* (*«Я сам над собой насмеялся...»*). [1,513]. Этот образ играет важную роль уже в раннем творчестве поэта, являясь в обликах «Неведомой Невесты», «белой Невесты», «Девы Мира», «Призрака Счастья», чья загадочная и двойственная природа породила неоднозначность его истолкования.

Так, Ю.Зобнин, отметив в раннем творчестве поэта модную стилизацию под «окультурные образцы» с их тяготением к античным культовым действиям», делает акцент на развитии художественного мышления Н.Гумилева «в сторону «воцерковления», связывая Деву с образом Богоматери. [2].

С учетом популярности в то время софиологической концепции В.Соловьева, возникает желание соотнести героиню с образом Софии. В иудаистических и христианских религиозно-мифологических представлениях космогоническая «художница», по законам божественного ремесла строящая мир, имеет облик ангела; ее лик и руки – огненного цвета, за спиной - два крыла. Она одета в царское облачение...на голове – золотой венец». Возникновение православия на Руси описывается митрополитом Илларионом как приход Софии, «премудрости Божией». [3,2,465].

Если внешне гумилевская героиня соответствует описанию Софии, то внутренняя сущность Девы оставляет сомнения в ее светлой сущности. В героине демоноподобно сочетаются божественно-прекрасный лик и смертоносное воздействие. В стихотворении «Иногда я бываю печален...» (1905) обручившийся с Небесной Невестой лирический герой становится добычей сил зла: *«И смеясь надо мной, презирая меня, Люцифер распахнул мне ворота во тьму...»* [1,55]. Любовь к Деве несет герою гибель в подавляющем большинстве стихотворений о ней («Сказка о королях», «Ягуар», «Поединок»). Так же разрушительно чувство ее «земных сестер» («Беатриче», «Анна Комнена», «Заклинание», «Юдифь»): *«Ты подарешь мне смертную дрожь, А не бледную дрожь сладострастья, И меня навсегда уведешь К островам совершенного счастья»* [1,139].

Рассматриваемому образу в какой-то степени соответствует двойник Софии, плод ее духовного грехопадения Ахамот, имеющая негативную природу. Она «желает...оформить душевно-телесный уровень бытия: из духовной субстанции она производит демиурга» [3,1,137]. Важно, что одним из способов созидания демиургом элементов мироздания является близкое акмеистическим принципам «простое словесное название предметов» [3,1,366]. Эта особенность может служить подтверждением тому, что ставшее затем акмеистической заповедью требование совершенствования мастерства было для Гумилева не самоценным принципом, а следствием идеалистического отношения к Слову. Происходит возвращение к земному миру, но исключительно сквозь призму его божественной сущности. Мысль В.Соловьева о том, что «христианство есть религия воплощения Божия и воскресения плоти, а ее превратили в какой-то восточный дуализм, отрицающий материальную природу как злое начало» [4,348], перекликается с рассуждениями Н.Гумилева: «...разве божество не говорит также и нашему уму в каждой звезде, в каждой былинке... не считается разве до сих пор особым даром...способность видеть в каждом предмете его божественную

красоту...око, через которое мы можем смотреть, заглянуть в самую бесконечность?» [5,19].

Однако образ Неведомой Невесты еще более синкретичен и содержит черты шумерской Инанны, аккадской Иштар, западно-семитской Астарты, древнегреческих Афродиты и Афины, римской Венеры, подкрепляемые соответствующими атрибутами (змея, сова, голубь, лебедь, пантера, фламинго, луна, роза, лилия, копье, щит). Все они, за исключением Афины, являются богинями плодородия и плотской любви, все связаны с распрей, покровительствуют искусствам и почитаются также как астральное божество – «звезда утреннего восхода» (планета Венера) [3,1,510]. Характерно, что Дева Н.Гумилева является также носителем мудрости, недоступной для простого смертного (как девственное порождение верховного отца, практически тождественное ему и обладающее истинной мудростью, выступают Афина и София). В широком смысле образ может восходить к Великой богине-матери, дающей всему живому и рождение, и смерть.

Нераздельная двойственность героини, сочетание в ней света и тьмы – частый мотив произведений поэта («Сон Адама», «Не тебя тревожней и капризней...», «Гондла»): *«Вот Ева – блудница, лепечет бессвязно, Вот Ева – святая, с печалью очей. То лунная дева, то дева земная, Но вечно и всюду чужая, чужая»*. [1,150]. Темное начало Девы Мира проявляется и в вызываемых ее появлением мучительных чувствах, и в деталях внешнего облика, и в ее сравнениях с «магической луной» и змеёй, символом мудрости и зла. В некоторых стихах указывается на то, что Дева является Музой поэта и его гибель – плата за творческое вдохновение. Здесь особенно очевидна родственность героини Гумилева с Прекрасной Дамой А.Блока, в стихах которого также присутствует ощущение ее губительной двойственности («Предчувствую тебя. Года проходят мимо...», «Её песни», «Мадонна», «Гансу Гюнтеру»).

Созданный Н.Гумилевым женский образ совмещает Ахамот и Софию, Еву и Лилит, доступную, лишенную связи с небом Афродиту Пандемос и

одухотворенную, возвышенную Афродиту Уранию, блудницу и жрицу («Озеро Чад»), Леру дневную и Лаик ночную («Гондла»). Ю.Зобнин заметил, что уже в первых стихах лирический герой Н.Гумилева ощущает некую «ущербность в эротике», противопоставление любви и блуда. Это становится одной из причин чувства «недолжности происходящего», «профанации идеала», т.к. «любовь без Христа невозможна, вне Христа возможна только «частичная любовь», т.е. блуд» [Выделено Ю.З. – А.Ч.].[2]. Стихотворение 1917г. «Новая встреча» исследователь трактует именно как разрыв с мифологическим поэтическим мировоззрением и возврат к Богоматери.

Однако гумилевские строки не дают полной уверенности в том, что лирический герой снова встречает именно Богородицу. Предыдущие стихи 1912-1917гг. (акмеистический период) действительно православны и на идейном, и на образном уровне, соответствуя духовным устремлениям автора и постулату акмеизма о неприемлемости пересмотра религиозно-нравственных ценностей христианства, чем хронически грешил символизм. Возникающий в стихах этих лет образ Богоматери однозначен, чист и светел, вызывая у героя ощущение защищенности и умиротворенности («Пятистопные ямбы», «Я, что мог быть лучшей из поэм...»), а другие женские образы наделены определенно земными характеристиками.

«Новая встреча», на наш взгляд, ознаменовала возвращение к мучительно двойственной Деве. Поэт снова ощущает болезненную тоску по идеальному: *«Словно по сердцу ступаешь ты, Рассыпая звезды и цветы. Я не знаю, где ты из взяла, Только отчего ты так светла И тому, кто мог с тобой побыть, На земле уж нечего любить?»* [1,258]. Та, под чьей *«атласной кожей Бежит отравленная кровь»*, вновь порождает щемящую тоску и желание смерти, которая порой воспринимается героем как закономерная расплата за «слепительное дерзновенье» любви («Нежно-небывалая отрада...», «Ты пожалела, ты простила...»). *«Нежной, бледной, в пепельной одежде Ты явилась с ласкою очей. Не такой тебя встречал я прежде В трубном вое, в лязганье мечей...Но тебя, хоть ты теперь иная, Я*

мечтою прежней узнаю, Ты меня манила песней рая, И с тобой мы встретимся в раю», - это строки из раннего стихотворения звучат в унисон с теми, что посвящены таинственной бледной Деве, но его название – «Смерть» - не оставляет возможности для разночтений (в стихотворении «Покорность» образ усилен «траурно черной фатой»). [1,61]. (Белое одеяние, в котором героиня предстает в большинстве стихов, традиционно символизирует как чистоту, целомудрие, свет, мудрость, так и смерть). Опять-таки «полусмертью» оказывается сон, один из излюбленных мотивов Н.Гумилева, которого не раз называли «сновидцем» и «снотворцем» русской поэзии («Мне снилось...», «После стольких лет...»).

Противоречивость лирической героини Н.Гумилева, на наш взгляд, является образным воплощением других оппозиций: жизнь – смерть, тело - душа, страсть - любовь, хаос – космос, земное – небесное. Практически во всем творчестве поэта эти оппозиции связаны с переходом из храма природы, «сада», «леса», дикого «мифологического» состояния души в состояние строгой веры, требующей отречения от старых богов и принятия креста, осознания собственной греховности. Вышедшая из леса *«женщина с кошачьей головой...скончалась тихой смертью на заре, Перед тем как дал причастье ей кюре (...)* *Может быть, тот лес – душа твоя, Может быть, тот лес – любовь моя. Или, может быть, когда умрем, Мы в тот лес направимся вдвоем»* («Лес») [1,333]. Принесенную в жертву новой жизни дриаду из «Осенней песни» *«влечет ее стезя Лесного, радостного пенья, А в этом храме быть нельзя Детям греха и наслажденья»* [1,35]. Последующие строки вызывают размышления о степени свободы и ассоциируются с Люцифером и его планетарным воплощением - Венерой: *«Уйдя от радости лесов, Ты будешь божески свободной»* [1,38]. Этот переход одинаково болезненно свершается как в человечестве, так и в человеке, и для поэта скорее история оказывается зеркалом, отражающим путь души, чем человек повторяет путь истории. Изложением судьбы Homo Sapiens видится стихотворение «Сон Адама», в финале которого первый человек,

измученный этой внутренней борьбой, *«молится Смерти, богине усталых»*, названной «Благодатной» и явившейся в астральном образе «голубой кометы».

После «Новой встречи» астральные черты рассматриваемого образа еще более усиливаются. Признаний, посвященных Рассыпающей звёзды, особенно много в посмертной книге поэта «К Синей звезде», внешне посвященной отношениям Н.Гумилева с Е.Дюбуше. Однако образ героини здесь снова абстрактен. Связь сборника с восходящими к «Илиаде» мотивами и образом Афродиты усматривала, в частности, сербская русистка К.Ичин [6,12].

Поэтические грезы достигают космических высот в стихотворении «На далекой звезде Венере» (1921). Именно там, на осиянной золотым светом планете любви, живут ангелы. Там *«нету смерти терпкой и душиной»* - она светла и радостна: умершие, превратившиеся в *«золотые дымы»*, *«как радостные пилигримы, посещают ещё живущих»*. На наш взгляд, выбор последнего пристанища души не случаен. Это можно расценить и как отказ от борьбы за «земное» и признание неборимой ценности небесного, и как признание любви как высшей истины, попытка примирить небо (планета Венера) и землю (Афродита), не отрекаясь от негативно воспринимаемой в христианстве «вольности». (Примечательно, что именно эта отличающаяся необычностью вращения планета издревле ассоциируется с воплощением порочного свободолюбия - Люцифером). И именно здесь наконец происходит то, к чему так стремилась душа лирического героя: *«Вы слейте в радостном полете Любовь и Смерть»* («Людьми будущего») [1,49], *«И может быть, рукою мертвеца Я лилию добуду голубую...»* [1, 58].

Литература

1.Гумилев Н.С. Всемирная библиотека поэзии. Избранное.-Р.-н.-Д.: Изд-во «Феникс», 1996.-544с.

2.Зобнин Ю. Николай Гумилев – поэт православия:

http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/gumilev/pravosl/

3. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. /Под ред. С.А.Токарева.- М.: Советская энциклопедия, 1980.
4. Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. –М., 1988.-Т.2.-С.348.
5. Лукницкая В. Н. Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких.-Л.: Лениздат, 1990.-302с.
6. Йованович М. Новая книга о поэзии Н.Гумилева// Русская мысль.-1997.- 24-30 апр.-С.12.